

Игорь Шестков "Спрут"

СПРУТ

(рассказ постаревшей нимфоманки)

Помните, Антон, что так мучило булгаковского Мастера? Его одиночество и противостоящие ему в Совдепии тотальные силы зла воплотились в мерзчайшего спрута с длинными и холодными щупальцами, которого он безумно боялся, который его всюду преследовал, и особенно — в темноте. Репрессивный аппарат озверевшего государства, десятки миллионов его добровольных помощников — доносчиков, охранников и палачей и еще десятки миллионов на все готовых, чтобы выжить, трясущихся в своих коммуналках совков — чем не спрут? По сравнению с этим, советским спрутом, вонючий лавкрафтовский Ктулху кажется аквариумной рыбкой.

Мой, индивидуальный спрут ничего общего с этим кошмаром не имеет. Даже и не знаю, проклятие ли это или, наоборот, одна из опор бытия. Послушайте мой короткий рассказ, может пригодится для писанины, а нет — так посмейтесь над старухой... Вместо того, чтобы внуков нянчить и о болячках рассказывать, занялась бабуля эротическими воспоминаниями. Впала в детство. Все старухи — мешки, наполненные глаголами прошедшего времени. Потерпите.

...

Если бы Гумберт Гумберт посмотрел на меня, восьмилетнюю, он бы сразу признал во мне нимфетку. Ножки точеные, тело вытянутое, бодрое, эластичное, мордочка подвижная, черные кудри до пупка... кожа свежая, чуть смуглая, губы полные алые, сосочки — нежно розовые... чувствительная как ласточка, не трусливая, не жеманная... Ребенок-демон. Тогда, впрочем, я и себя и других вовсе не понимала... считала себя дурнушкой за курносый нос и широкие ногти. Вышеприведенный словесный автопортрет я составила по своим детским фотографиям. Недавно альбом нашла, думала, он потерялся. Хотелось на себя как бы со стороны посмотреть. Через увеличительное стекло времени. Уж лучше бы и не смотрела.

Во дворе нашей пятиэтажки на Вавилова были установлены качели. Я их

обожала... и вот, однажды, в жаркий августовский день... помните это странное московское томление перед концом каникул... лето пролетело... до начала занятий еще несколько дней... взрослые уходят на работу, а ты торчишь весь день во дворе и чувствуешь неотвратимо приближающуюся осень... зелень начинает желтеть... дома и деревья как будто в обмороке... все готово перевернуться с ног на голову... но не переворачивается... и детское одиночество мучает зверски и предчувствие будущей взрослой жизни потихоньку наваливается как великан на фарфоровую куколку и дробит, дробит твои косточки... и тянет взлететь на воздух... но что-то нам всегда мешает... усталость рода человеческого... и мы так и проводим здоровую половину жизни в розовом тумане несбывшихся надежд, а вторую — в жестяном пальто и в свинцовых сапогах старости. В корчах и муках.

Мама ушла на работу, сказала, что прибежит в обеденный перерыв, накормит меня и опять уйдет... надела мне торжественно на шею ключ на ленточке и запретила уходить «дальше беседок». Это означало, что находиться моему телу разрешалось в прямоугольнике, ограниченном стеной нашего четырехподъездного кирпичика, длинным высоким и глухим забором какого-то закрытого учреждения с противоположной стороны и двумя «беседками» по бокам, сталинскими строениями с обрушившимися лестницами, прогнившими скамеечками и остатками здоровенных гипсовых баб, призванных, наверное, олицетворять мощь и красоту советского строя. От этих мегалитов, впрочем, во времена моего детства остались лишь могучие торсы с отбитыми головами и руками, в неприятных их недрах скапливалась дождевая вода и всякая дрянь, там жили сколопендры, которых дети очень боялись.

Проводив маму до одной из беседок и вдоволь напрыгавшись на ее пыльной лестнице, я побежала к качелям. Там уже качались две девочки — веселая энергичная толстушка Ирма, родом из Прибалтики, из соседнего двора, и худенькая, застенчивая, но себе на уме, Светлана, моя соседка по подъезду, дружба с которой так и не завязалась, несмотря на все попытки наших мам-одиночек нас подружить. Ирма была на два года меня старше и заслуженно считала и меня и Светлану малышней, с которой стыдно иметь дело.

Обменявшись парой пустых слов с Светланой и кивнув Ирме (никакой реакции с

ее стороны), я залезла на теплое деревянное сидение, оттолкнулась ногами и принялась сосредоточенно раскачиваться... через минуту я догнала и перегнала по высоте осторожную Светлану... догнать Ирму было труднее... тем более, что она тут же заметила мой порыв и, не изменив никак выражение чуть деревянного, как будто припудренного янтарной пылью лица, начала качаться мощнее и выше, чем до моего прихода.

Короткие наши юбочки задирались на грудь.

Старые качели отчаянно скрипели.

Песок под ногами улетал вниз и назад и его место занимало звенящее в августовском мрении коричневатое московское небо... воздух сек и ласкал щеки... мир качался, качался, качался.

...

Между качелями и домом росли липы. Высотой с наш дом. Под одной из них, в тени, рядом с изрезанным ножом стволом, стоял мужчина. В длинном, темно-бежевом плаще, наброшенном на плечи, но запахнутом. Поначалу я его и не заметила. Потом заметила, но как-то не восприняла... а он пристально смотрел на нас... переводил воспаленный взгляд с одной на другую... пожирал глазами наши ручки, грудки, ножки, обнажающиеся в движении до трусиков. Да, он пялился на нас и делал что-то рукой под плащом... тогда я и понятия не имела, что.

Все эти взрослые слова — иностранные «эксгибиционизм», «онанизм», «мастурбация» и доморощенное «рукоблудие» — были маленьким московским девочкам середины шестидесятых неизвестны. Честно говоря, я в свои восемь лет даже не знала, что мужчины имеют член, а короткое грубое матерное слово — воспринимала как некую абстракцию, несколько даже космического характера (как бы «Марс»), также как и длинное неприличное женское слово. Только в главном русском непечатном глаголе мерещилось мне какое-то содержание... неприятное... садистское. Вроде «бил твою мать».

Да, слова в моем лексиконе не было, но процесс, описываемый этим словом, происходил на моих глазах. Возбуждись от вида наших мелькающих перед ним голых ножек и дополнительно возбуждив себя механически, мужчина в плаще заметил мой недоуменный взгляд смущенной нимфетки... и это, по-видимому, разожгло его и заставило сделать несколько шагов в сторону качелей

и резко распахнуть плащ. Под плащом он был голый. Поневоле я взглянула туда. Пах мужчины зарос курчавыми рыжими волосами. Его член, показавшийся мне похожим на мягкую игрушечную пушку, выстреливал в мою сторону белыми струйками. Я отвела глаза. Краем глаза увидела, что Светлана уверенно соскочила с качелей и побежала к нашему подъезду. Ирма же продолжала качаться и, казалось, вовсе не замечала навязчивой фигуры, похожей на дергающуюся летучую мышь. Потом выяснилось, что так оно и было — Ирма была страшно близорука, но стеснялась этого и не носила на улице очки. После разрядки, мужчина серьёзно посмотрел на меня своими зелеными глазами, усмехнулся чему-то, запахнулся и покинул наш двор.

Да, Антоша, забыла упомянуть важную подробность. Метрах в трехстах от нашего дома, на улице Ферсмана, тогда работала «Березка». Помните, что это были за магазины? Да, да, валютные, для номенклатуры. На витрине ее ничего не было, кроме длиннющей розовой гирлянды на фоне панорамной фотографии Москвы, которая глупо мигала. Я так внутри и не побывала до самого отъезда из СССР. Не было у нас валюты. Рядом с «Березкой» дежурили милиционеры.

Так вот, мужчина в плаще покинул наш двор, а потом, минут через пять, я вдруг услышала милицейский свист, отчаянные крики и топот. Затем все стихло. Я пошла домой и заперлась там на цепочку. Мать пришла через два часа, не смогла войти и кричала на меня. Только мы сели обедать... позвонила милиция.

Милиционеры расспрашивали меня о мужчине в плаще, а я как могла описала его и то, что видела...

Оказывается, неудачливого эксгибициониста арестовали метрах в ста от нашего дома. Светлана была к тому, что произошло на наших глазах, подготовлена. Она пришла домой и тут же позвонила матери, работавшей в Министерстве иностранных дел. Та — в милицию. Милиция оказывается на этого человека давно охотилась. Они по рации уведомили своих людей у «Березки» и те подкатили на мотоцикле, а наш плащ на свою беду зашел в молочный, в котором глазурированные сырки продавались, полакомиться хотел после оргазма, понимаю... Ну, его и сцапали.

Но это все не важно. Меня этот человек не испугал, испугала меня милиция и моя нервная мамочка, царство ей небесное, устроившая вечером жестокую

истерику и говорившая со мной так, как будто я была в чем-то виновата... меня эксгибиционист поразил, озадачил... и совратил.

Да, совратил.

Несколько дней, впрочем, все было нормально. Я пошла во второй класс, началась учеба, новые предметы давались мне нелегко... Училась я хорошо, но меня отвлекали разные мысли и чувства... а затем... сентябрьским вечером... засыпая на своей кровати... я вдруг увидела эти зеленые глаза прямо на стене. Они сосредоточенно смотрели на меня. А вся моя промежность как будто превратилась в спрута. В жадного, хищного... мечтающего только о том, чтобы в него вошел большой горячий член. И с тех пор нет мне покоя.